

Выражение о девяти кругах ада используется как определение нечеловеческих мук и страданий. Именно такое пришлось пережить тем донским казакам, которые покинули сначала свой родной донской край, а потом и Россию в ноябре 1920 года, когда из Крыма ушли в эвакуацию, которая через пару лет стала называться уже эмиграцией.

Точное число гундоровцев, выехавших из страны, никогда установить не удастся, но хорошо известно, что судя только по списочному составу Донского Гундоровского георгиевского полка и других формирований, составленных из уроженцев станицы, в их рядах насчитывалось более четырех тысяч человек. Были также и те, кому нельзя было оставаться у себя дома потому, что они были причислены к казачьей руководящей верхушке, то есть были атаманами, членами правлений, станичными судьями или всего лишь писарями и стражниками на угольных шахтах.

Как складывались судьбы этих людей подробно описывается в произведениях нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Гундоровские казаки в чужих краях

Для казаков хутора Швечикова, ушедших в отступление с частями Донской армии в начале 1920 года самым большим испытанием стало полное неведение о судьбах родных и близких, оставленных в своей станице.

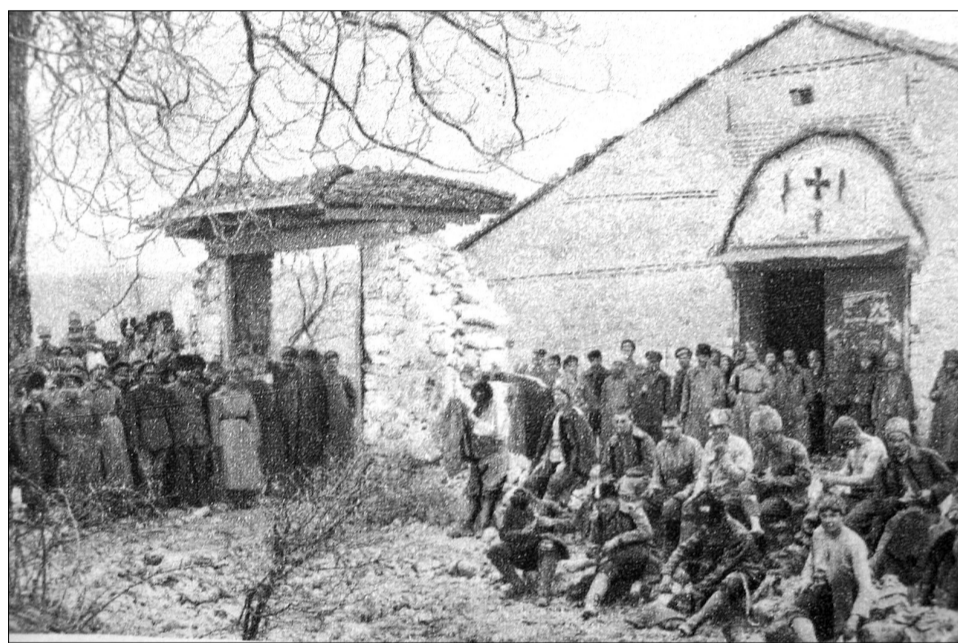
Очень редко, извилистыми, неизвестными и окольными путями в хутор доставлялись весточки от казаков и в них очень коротко сообщалось, что они живы и здоровы. Только и всего, но зато какая радость для родных! Обратного способа отправки сообщений самим уехавшим так и не нашлось. Когда после новороссийской эвакуации в хуторе Швечиков объявился старый казак Василий Бережнов, совершенно неразумно, по мнению хуторян, подавшийся в отступ, то он и стал главным источником вестей о хуторских казаках. Об одном Василий говорил восторженно, начинал расписывать его героические подвиги, но потом умолкал, запоздало понимая, что не к месту это и своими рассказами может накликать на семью новые беды. О другом хоть и не знал ровно ничего, но всё равно успокаивал его родню:

- Да чего ему сделается, наверняка сел на большой корабль и в Крым отправился. Сейчас там в Чёрном море купается и небось о вас вспоминает.

Дошли до хуторских жителей и слухи о том, что не сильно запятанные службой в белых войсках оказались в той самой 1 конной армии под командованием Будённого, с которой сходились в боевых схватках у Батайска. Их то как раз в первую очередь и ждали по домам после демобилизации. Как будто на красной стороне они не могли найти свою пулю. И находили, а семьи получали похоронки, но в них, в отличие от скорбных документов предыдущей войны о душах погибших не говорилось ничего, а всё больше о победе мировой революции.

После Пасхи 1920 года швечиковцы узнали, что войска Врангеля вышли из Крыма и через Мелитополь и Мариуполь двинулись в сторону Области войска Донского. Уже особо не таясь, начали обсуждать новости и высказываться, что если дойдет Врангель до донских просторов, то тогда снова полыхнет Дон, как весной 1918 года и сменится власть.

У самой советской власти весной 1920 года было две главных заботы: добыть хлеба для того, чтобы про-

Турецкий лагерь Чилингир. Казаки у своего барака.

Палаточная церковь на греческом острове Лемнос.

кормить Красную армию и добиться полного обсеменения полей на юге России. Не хотели казаки этого делать или же, зная про установленные нормы изъятия, так называемых, хлебных излишков, сеяли только для своих нужд. Думать о нуждах всей страны их тогда ещё не приучили.

В Швечикове с огромным трудом удалось засеять чуть больше половины ярового клина, да и то после того, как по донским станицам и хуторам пронёсся слух, скорее похожий на приказ:

- Поля нужно засеять, урожай будут убирать казаки, которые обязательно вернуться к жатве.

В трудах и заботах прошли лето и осень 1920 года и швечиковцы узнали, что не удалась змеиная вылазка Врангеля из Крыма и снова вернулись его войска обратно на покинутый так опрометчиво полуостров. Более того, после полного разгрома Русской армии на крымском перешейке красный военачальник Михаил Фрунзе позволил уйти этой армии более чем на сотне кораблей из России. Среди тех, кто подался в чужие края были казаки хутора Швечикова Новоайдарсков Сергей, Брыков Устим, Желудков Тихон, Куканов Алексей, Мохначёв Иван, Чернышков Фёдор, Нехлебаев Степан и сразу три однофамильца

Швечиковых: Антон, Данила и Никифор.

На пароход «Екатеринодар», где находилась основная часть казаков Донского Гундоровского георгиевского полка, было погружено около пяти тысяч человек, что в десять раз превышало его вместимость. Теснота была невероятная и всё же, оказавшиеся на корабле, все чувствовали себя почти в безопасности, ведь некоторые из них помнили дни погрузки в новороссийском порту и толпы казаков, брошенных на пристанях. В Керчи забрали всех, кто хотел уехать.

Пароходы давали длинные гудки и казалось, что это не судовые сигналы, а стоны сгрудившихся на палубах и трюмах людей сливались в протяжные горестные звуки. Пароходы постояли на месте, словно путники, подождавшие всех, для того чтобы присесть на дорожку, и, качиваясь на волнах, отправились в дальний путь, в турецкий порт Константинополь.

Отец Аристарх, полковой священник гундоровцев, смотрел на уходящую из-под бортов парохода серую морскую воду и жалел только об одном, что не успел отслужить молебен о благополучном плавании. Да как это можно было сделать? Перекреститься верующим и то было невозможно! Полсутки так и простояли, тесно прижавшись друг к другу. Всех начала мучить жажда, но воды не хватало и тогда невольные путешественники узнали вкус морской воды, сдобренной сахаром. Не все отважились пробовать её. Поесть дали на второй день плавания, но от этого нестерпимо захотелось пить. И только в Константинополе выпало счастье поесть и попить вдоволь, после чего все отправились на грузовом поезде на турецкую станцию Чаталджа, после выгрузки на которой они пешим маршем добрались до турецкой деревни Чилингир. Там казацкие части разместили в насквозь продуваемых дощатых бараках, в которых до них содержали греков военнопленных и даже в овечьих кошарах.

Невысокие горы, по своему виду похожие на гребенные горы на родном Северском Донце, окружали чилингирский лагерь со всех сторон. В эту котловину от Мраморного моря, находящегося в тридцати верстах, натягивало белесую сырость, и она накапливалась и застывала в каждой горной складке.